

УДК [1:316](430)+929 Бек

МИРОВОЕ ОБЩЕСТВО РИСКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ УЛЬРИХА БЕКА: ЛОГИКА И ИРОНИЯ

О. М. Ломако

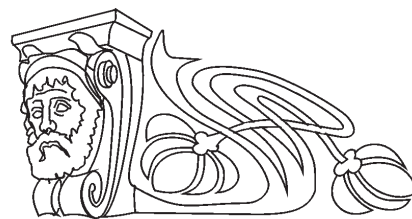
Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу мирового общества риска в социальной философии Ульриха Бека. Являясь по своей сути политической, эта философия направлена на историческое восприятие общества риска и выявление его новых особенностей в современную эпоху. Рассматриваются новации, отличающие мировое общество риска от предшествующего ему общества риска модерна и постмодерна: различие риска и катастрофы, риска и культурно-вариативных суждений о риске. Из различия между риском и катастрофой следует необходимость в предохранительных действиях. Особое значение это имеет для государства, которое вынуждено заниматься прогнозированием и профилактикой рисков, поскольку безопасность граждан является первоочередной государственной задачей. Типология различных «логик» глобальных рисков позволяет определить новые феномены терроризма и сравнить его с экологическими и экономическими рисками. Логика риска предполагает его иронию, которая заключается в необходимости предвидения непредсказуемого. Логика однозначности уступает место логике многозначности, которая находит выражение в соединении общества риска с космополитизмом. Обе тенденции – рефлексивность неизвестного и космополитический момент – указывают на глобальное изменение «общества» в XXI веке, приоритетом которого становится безопасность.

Ключевые слова: немецкая философия, Бек, социальная философия, политика, этика, история, мировое общество риска, логика риска, ирония риска, безопасность, социальные дискурсы риска.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269

В рамках процесса глобализации актуальным является анализ природы глобальных угроз и социальных рисков. Как отмечает В. Б. Устьянцев, различные рискогенные ситуации становятся все более заметными явлениями, влияющими на динамику общественных процессов, социальных сообществ и человека [1, с. 150]. Приступая к анализу мирового общества риска в своей политической философии, У. Бек отмечает как основную тенденцию логику многозначности, которая приходит на смену логике однозначности. Он определяет три новационных момента, отличающих мировое общество риска от предшествующего ему общества риска модерна и постмодерна и приобретающих в эпоху глобали-

зации все большее значение: различие риска и катастрофы, различие риска и культурно-вариативных суждений о риске и типология глобальных рисков [2, с. 27–28].

Из различия между риском (как антиципированным событием, существующим в предвидении) и катастрофой (как событием фактическим) следует концептуальный момент: не важно, живем ли мы в мире, который «объективно» является более надежным, чем все предшествующие, – в любом случае антиципация разрушений и катастроф обязывает к предохранительным действиям. Особое значение это имеет для государства, которое вынуждено заниматься прогнозированием и профилактикой рисков, заблаговременной подготовкой к ним, поскольку безопасность граждан является первоочередной государственной задачей. Обеспечение безопасности необходимо даже в том случае, когда компетентные инстанции (наука, вооруженные силы, судебная практика) не обладают соответствующими методами и средствами защиты граждан, если, например, варианты ответа на глобальные риски ограничены горизонтом национального государства.

У. Бек последовательно доказывает, что в мировом обществе риска все более спорной и проблематичной становится абсолютность логического рефлексивного рационального понимания рисков, которое формулируется в дисциплинах естествознания, техники, психологии, экономики, медицины. Согласно такой интерпретации задачи исследований рисков в этих областях знания заключаются в установлении рисков с помощью статистики и математики, в проверке причинно-следственных гипотез и разрабатываемых на их основе прогностических моделей для определенных рисков, а также в анализе типичных вариантов восприятия рисков различными социальными группами. «Рациональными» эти исследования считаются постольку, поскольку они исходят из предположения, что научные методы измерения и модели калькуляции наиболее точно позволяют объяснить риски как дискриптивно, так и прогностически, что не в последнюю очередь касается и политики [2, с. 32].

Эта «техническая» наука о рисках основывается на ясном различии самого риска и

представления о нем, которое подчеркивается и поддерживается параллельным отделением экспертов от дилетантов. Соответственно, «субъективность» риска и «восприятие риска» делегируются на установки исследования. При этом восприятие риска, в свою очередь, рассматривается и анализируется как индивидуальная реакция и ответ на «объективные» риски соответственно различным «эвристикам» индивидуального суждения и понимания. Вполне очевидно, на чьей стороне предполагаются предрассудки и ошибки – конечно, у дилетантов, и у кого их просто не может быть – разумеется, у экспертов. «Субъективность риска» происходит со стороны дилетантов, которые считаются «плохо информированными» в сравнении с «научным» способом мышления экспертов. Иррациональность восприятия риска у большей части населения основана, следовательно, прежде всего на недостатке информации. Если бы удалось всех сделать экспертами, все проблемы и конфликты, связанные с рисками, разрешатся сами собой. Это в конечном итоге становится основной идеей. Но все сложности, например, такие как различные виды незнания, противоречия между самими экспертами и, в конце концов, невозможность сделать непредсказуемое предсказуемым, выносятся за скобки и после их переоценки считаются завершенными.

Такому утверждению, однако, противоречит в широком смысле слова генеральный тезис понимания глобальных рисков, поскольку глобальное предвидение (антиципация) противоречит методам научного вычисления. Чем меньше просчитывается опасность, тем больший вес приобретает культурно-вариативное восприятие риска, вследствие чего исчезает различие между риском и его культурным восприятием. Один и тот же риск, рассматриваемый в перспективе разных стран и культур, оценивается и осуществляется различным образом [2, с. 33–34].

Третья новация У. Бека – типология различных «логик» глобальных рисков – позволяет определить новые феномены транснационального терроризма и сравнить его с экологическими и экономическими рисками. Типология глобальных рисков, таким образом, раскрывается через три «логики»: экологический кризис, экономический кризис, опасность терроризма. Существенное различие экономических рисков и экологических опасностей, с одной стороны, и опасностью терроризма, с другой стороны, заключается в том, что в последнем случае присутствует преднамеренность действий. Экономические кризисы и экологические опасности, несмотря на все их различие, имеют нечто общее: они должны быть поняты из диалектики добра и зла

как случайные, непреднамеренные последствия решений в процессе модернизации. Совершенно иной является логика нового терроризма – это преднамеренное зло. Здесь речь должна идти о рациональных основаниях практики калькуляции рисков, поскольку на место случайности приходит злое намерение. Становится очевидным, что определение рисков имеет моральную основу [2, с. 37–38].

Исследуя социальные дискурсы риска, У. Бек возвращается к эпохе модерна, когда ведущая идея – контролируемости обусловленных решениями побочных последствий и опасностей – была поставлена под вопрос. Новое знание служит тому, чтобы непредвиденное превратить в калькулируемое, которое, в свою очередь, вновь порождает непредвиденные риски, что, собственно говоря, и приводит к необходимости рефлексии рисков. Через эту «рефлексивность неизвестности» неопределимость риска в современности впервые становится основополагающей для всего общества. Именно поэтому, признается У. Бек, он вынужден был пересмотреть свой концепт общества и социально-научные понятия [2, с. 39]. Пожалуй, рефлексия неопределенности в мировом обществе риска инициирует потребность в логике многозначности, которая находит выражение в соединении общества риска с космополитизацией. В истории это можно сравнить с античным космополитизмом стоиков, с космополитизмом эпохи Просвещения (Кант) или с «преступлением против человечества» (Х. Арндт, К. Ясперс). Как бы то ни было, глобальные риски разрывают национальные границы и смешивают «свое» и «чужое», «близкое» и «дальнее». Далекий Другой становится внутренним Другим, и не как следствие миграции, а в гораздо большей степени как следствие глобальных рисков. Повседневность становится космополитической, поскольку люди обретают смысл жизни в процессе обмена с другими, а не только с себе подобными [2, с. 40–41].

Обе тенденции, обозначенные У. Бекем, – «рефлексивность неизвестности» и «космополитический момент» – указывают на глобальное мета-изменение общества в XXI в. и раскрывают внутреннюю логику мирового общества риска в горизонтах его нормативности, неотделимой от произвольной иронии. «Большое и малое повествование об истории риска и ее общественно-политических влияниях наполнено иронией. Она рассказывает о произвольном комизме и оптимистической бессмысленности, с которыми базисные институты современного общества – наука, государство, хозяйство, вооруженные силы – пытаются предвосхищать то, что не поддается предвидению», отмечает У. Бек и

продолжает: «Только события второй половины XX века по-настоящему приблизили нас к пониманию того, что Сократ вложил в свое загадочное высказывание “Я знаю, что ничего не знаю”. Научно-техническое общество подарило иронию фатального понимания. Мы не знаем, что мы не знаем. Как раз отсюда следуют опасности, угрожающие человечеству» [2, с.94].

Ирония риска заключается в том, что рациональность, т. е. отложенный опыт, приводя к необходимости оценки рисков по неподходящим масштабам, вынуждает считать риски контролируемыми и просчитываемыми, в то время как катастрофы постоянно случаются в ситуациях, о которых мы не имеем никаких знаний и которые не можем предвидеть. Можно было бы бесконечно перечислять подтверждения горькой иронии риска с указанием на все более сильное ограничение прав и свобод индивидов, чтобы защитить население от терроризма, хотя террористическая угроза не уменьшается.

Нормативный горизонт риска заключается в его амбивалентности. Если в эпоху модерна вхождение в риск для отдельного человека такая же необходимость как существование правительства, то с началом XXI в. каждое действие вступает в конфронтацию с глобальными рисками. Осознание заброшенности в глобальные риски представляет собой шок для человечества. Никто не мог предвидеть такое развитие, хотя, как отмечает Н. Луман, уже в формирование структур ожидания входят моменты отражения риска и необходимости усиления внутрисистемной надежности. Если ожидания вообще образуются, они уже имеют степень надежности, которую невозможно вывести из окружающего мира, — она является собственным достижением системы.

В конечном счете вся эволюция, по-видимому, основывается на массивировании ненадежности. В социокультурной эволюции этот принцип расширения ненадежности повторяется. Н. Луман полагает, что людей следует рассматривать как заслуживающих доверия и укреплять ожидания, препятствующие разочарованию. Можно формировать и более рискованные ожидания, если удастся добиться того, чтобы разочарования были отдельными событиями, не становились аккумулятивными, угрожая тем самым надежности. С такой точки зрения эволюция выступает все новым включением ненадежности в надежность и надежности в ненадежность, не гарантируя при этом защиты и безопасности [3, с. 407].

Неуверенность можно признать важнейшей чертой постмодерна. В этих условиях каждое действие становится риском в принятии решений «за» или «против» в рамках рискогенной и всегда

амбивалентной свободы, за последствия которой (в случае необходимости и экзистенциально) человек отвечает сам, принимая на себя всю тяжесть этой ответственности. Желание сделать что-то определенное, выбрать один-единственный вариант из многих связывается при этом с необходимостью отказа от других возможностей. Такая амбивалентность требует в повседневной жизни все большей затраты энергии как социальной, так и психической. Таково новое требование цивилизации, сколько латентное, столько и чрезмерное. Внутренняя и внешняя неуверенность производит формы общения, которые все больше характеризуют повседневную жизнь людей как риск [4, с. 67].

Риск собой всегда предполагает решение и действие того, кто его принимает. Ирония риска заключается в создании радикальной асимметрии между теми, кто отваживаются на риск, определяет его, и теми, кому лишь указывают на непредвиденные последствия решений других, и которые тем не менее вынуждены почувствовать их на себе, может быть, даже заплатить ценой собственной жизни, без всякой возможности принять какое-либо участие в осуществлении этих решений [2, с. 252]. Неудивительно поэтому, что часто риски оказываются в центре конфликтов. Н. Луман придерживается этой схемы конфликтов рискогенности. У него различие между риском и опасностью совпадает с противоположностью тех, кто решение принимает, и тех, кто страдает от их последствий. Между ними достигнуть взаимопонимания особенно сложно. И в то же время не существует ясных направлений конфликтов, поскольку конфронтация между принимающими решения и пострадавшими от этих решений во многом остается ситуативной.

О рисках говорят тогда, когда вред и ущерб случаются вследствие собственных решений, в случаях опасности речь идет, напротив, о разрушениях, пришедших извне. Известные опасности, такие как землетрясение и извержение вулканов, становятся рисками в той мере, в какой принимаются решения по преодолению их последствий. Но это только половина проблемы, поскольку с решениями увеличиваются опасности. Риск тоже становится опасностью, а именно, в форме опасностей, которые исходят от решений других. Поэтому сегодня различие между риском и опасностью пронизывает весь социальный порядок [5, с. 81].

Означает ли это отказ от рефлексии рисков? Э. Гидденс и У. Бек говорят о перспективах «рефлексивной модернизации», исходными пунктами которой являются институциональная рефлексия, рефлексивное сообщество, побочные последствия.

Определенную трудность представляет значение самого понятия «рефлексия». Так, Э. Гидденс и У. Бек рассматривают этот термин в различных, но все же пересекающихся смыслах. Первая точка зрения, которой придерживается Э. Гидденс, заключается в том, что «рефлексивная» модернизация основывается на приоритете знания относительно оснований, последствий и проблем модернизации. У. Бек разделяет вторую точку зрения, согласно которой рефлексивная модернизация является, в первую очередь, результатом побочных последствий. В первом случае речь идет о рефлексии в узком значении, во втором – в ее широком смысле, где имеется в виду, что рефлексивность наряду с рефлексией (знанием) включает в себя также и рефлекс, понимаемый как действие или как предварительное действие в условиях незнания [2, с. 218–219].

По определению Э. Гидденса, «рефлексивная модернизация характеризует поздний модерн, в то время как <...> он обозначает себя как эпоху, которая сама рефлектирует границы и ошибки модерна. Это связано напрямую с ключевыми проблемами современной политики, поскольку пока еще в некоторых частях мира господствует простая или линейная модернизация, особенно в Южной Азии» [6, с. 110].

С начала XXI столетия каждое действие сталкивается с риском. Риск становится глобальным. На вопрос «Что же определяет глобальные риски?» немецкий социолог и философ У. Бек дает четкий ответ: делокализация, некалькулируемость, некомпенсируемость. *Делокализация* (Delokalisation) означает, что причины и следствия производимых действий не ограничиваются больше каким-то одним географическим местом или пространством. Они в принципе становятся вездесущими. *Некалькулируемость* (Unkalkulierbarkeit) означает, что последствия катастроф мирового масштаба принципиально не могут быть просчитаны и предусмотрены. Речь, по сути, идет о «гипотетических» рисках, которые базируются на утверждаемой самой наукой невозможности знания и на пронизывающих науку нормативных разногласиях. *Некомпенсируемость* (Nicht-Kompensierbarkeit) связана с тем, что мечта о безопасности европейского модерна XIX в. не исключала опасности (даже большого масштаба), но эти опасности считались компенсируемыми, их последствия были обратимы (например, через деньги). Если же климат меняется бесповоротно, если прогресс в генетике человека вторгается в человеческую природу необратимым для него способом, уже не приходится говорить о компенсации. Глобальный характер рисков разрушает саму логику компенсации.

При этом следует учитывать, что делокализация некалькулируемых, тесно связанных между собой рисков происходит в трех измерениях:

а) пространственно: новые риски (например, изменение климата) распространяются за границы национального государства, даже за границы континента;

б) темпорально: новые риски имеют долгий латентный период, так что их будущие последствия не могут быть надежно определены и ограничены, поэтому изменяется знание и незнание, так что вопрос, кто пострадал от этих рисков, долгое время остается открытым и спорным;

в) социально: поскольку новые риски являются результатом комплексных последствий через длинную цепочку, их причины и следствия не могут быть точно определены. Невозможность расчета рисков вытекает из невозможности их точного знания. Однако в то же время требование знания рисков, их контроля и безопасности государства и граждан должно быть расширено, что, в свою очередь, опять приводит к иронии – контролировать нечто, о чем даже не знаешь, существует ли оно в реальности. Почему вообще наука или какая-либо научная дисциплина должны заниматься тем, что совершенно неизвестно? На этот вопрос У. Бек дает ясный и однозначный ответ: «Потому, что безопасность является приоритетом современного общества, и этот приоритет не устраняется незнанием, а напротив, активизируется и доминирует благодаря незнанию, как, например, в случаях рисков, связанных с терроризмом» [2, с. 103–104]. Именно из-за постоянно производимых ситуаций опасности и беззащитности перед ними человека общество, как никогда ранее, должно быть нацелено на создание контроля рисков и общей безопасности.

Все более очевидным становится, что мировые риски изменяют основы совместной жизни и деятельности человека во всех областях как на глобальном уровне, так и на национальном. Происходит генеральное культурное изменение: возникает другое понимание как природы и ее отношений с обществом, так и самого человека в его отношении к Другому, к социальной рациональности, к свободе, демократии и легитимности. В условиях мирового общества риска необходима новая, ориентированная на будущее, планетарная ответственность, новые культурные движения и новая макроэтика, на основе которой должны быть созданы новые идентичности, новые законы, интернациональные организации и институты в области хозяйства, политики и всей общественной жизни. Таким образом, мировой риск становится причиной и медиумом обще-

ственного преобразования и находится в тесной связи с новыми формами классификации, интерпретации и организации нашей повседневности, новых возможностей организовать настоящее общество с ориентирами на будущее.

Список литературы

1. Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2012. 206 с.

2. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. Frankfurt/Main, 2015. 437 S.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. 644 с.
4. Schmidt-Semisch H. *Kriminalität als Risiko*. München, 2002. 284 S.
5. Luhman N. *Soziologie des Risikos*. Berlin ; N.Y., 1991. 252 S.
6. Giddens E., Pierson C. *Conversations with Anthony Giddens : making Sense of Modernity*. Cambridge, 1998. 248 p.

Образец для цитирования:

Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–269. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269

World Risk Society in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony

O. M. Lomako

Olga M. Lomako, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of world risk society in the social philosophy of Ulrich Beck. Actually her philosophy can be considered the political philosophy and thus it focuses on historical perception of risk society and revealing of its new features in the modern era. The article considers innovations that distinguish the world society of risk from the previous society of modern and postmodern risk: the difference between risk and catastrophe, risk and cultural judgments about risk. From the difference between risk and catastrophe, there is a need for protective action. This is of particular importance for the state, which is forced to engage in forecasting and preventing risks, since the safety of citizens is a primary task of the state. Typology of different «logic» of global risks allows to identify new phenomena of terrorism and compare it with environmental and economic risks. The logic of risk suggests its irony, which is the need to anticipate unpredictable. The logic of uniqueness gives way to the logic of ambiguity, which finds its expression in the connection of the risk society with the cosmopolitanism. Both trends – the reflexivity of the unknown and the

cosmopolitan moment – point to a global change in the society in the 21st century, whose priority is security.

Key words: german philosophy, Beck, social philosophy, politics, ethics, history, world risk society, risk logic, risk irony, security, social risk discourses.

References

1. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski* [Man, living space, risks]. Saratov, 2012. 206 p. (in Russian).
2. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit* (World risk society. In search of the lost security). Frankfurt/M., 2015. 437 S.
3. Luman N. *Sociale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt/M., 1984. 674 S. (Russ. ed.: Luman N. *Sotcialnye sistemy. Ocherk obshchey teorii*. St. Petersburg, 2007. 644 p.).
4. Schmidt-Semisch H. *Kriminalität als Risiko* (Crime as a risk). München, 2002. 284 S.
5. Luhman N. *Soziologie des Risikos* (The sociology of risk). Berlin, New York, 1991. 252 p.
6. Giddens E., Pierson C. *Conversations with Anthony Giddens: making Sense of Modernity*. Cambridge, 1998. 248 p.

Cite this article as:

Lomako O. M. World Risk Society in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–269. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269